

Вер. Москва - 2000 - 25 янв. - с. 5

Мирзоев против стабильности мира

«Коллекция Пинтера» по пьесе Г. Пинтера
«Коллекция». Реж. В. Мирзоев

Владимир Мирзоев, элитарный режиссер для массового зрителя (по статистике фраза «мне понравилось, но это не для всех» — самый типичный отзыв на мирзоевские спектакли), впервые изменил репертуарному театру с антрепризой. После многоразового сосуществования с Шекспиром в частности и классикой вообще для антрепризы, он выбрал современного Гарольда Пинтера.

ПРЕМЬЕРА

Ольга ФУНС

«Пинтер — прямая противоположность Шекспиру. У Шекспира персонажи очень активно выражают себя в слове. У Пинтера, напротив, мощный подтекст. А я люблю контрасты», — пояснил Мирзоев, который вообще считает, что надо делать побольше жестких поворотов, большие сценарные повороты, большие сценарные повороты — на уличные, одну страну — на другую. А иначе в театре — «уютном островке, несмотря на все его интриги» — можно засидеться, испытывая «опасное, преступное ощущение стабильности мира». — Обожаю слушать этого философа с аттракционным отношением к театру и бородой полевого командира. Приятно бывает посмеяться (не в смысле высмеять, а в смысле повеселиться) от буйной фантазии, с которой текст выворачивается наизнанку, и качественного стеба. Правда, от спектакля к спектаклю Мирзоева все легче предсказать свои впечатления — остается что-то вроде легкого чувства голода, с которым положено вставать из-за стола.

Тяжелее становится, когда приятные свои ощущения надо перевести в слова и, извините, мысли. И так, «Коллекция Пинтера». Мирзоев пополнил свою привычную коллекцию, основу

которой составляют, во-первых, потрясающий Максим Суханов (главный аргумент в пользу мирзоевского театрального языка — красивого, как красив любой язык, если говорить на нем свободно и без акцента). Во-вторых, художник Павел Каплевич, который заявил о создании технологии XXI века — проращивания тканей. (Воображение, разыгравшись, сразу нарисовало такие костюмы, на которых под конец спектакля должно что-то вырасти — наподобие шишаков. Но под конец спектакля оно, воображение, успокоилось.) В-третьих, Елена Шанина и Сергей Маковецкий с разным стажем работы у Владимира Мирзоева. Дополнил — Валентином Гафтом. Последний признался, что давно интересовался творчеством Мирзоева, в чем не встречал понимания в родном «Современнике», а еще очень хотел поработать с Максимом Сухановым. «Это... пирамида с глазами!!! Это такой, знаете ли, тип уникальный! Белые акулы и то чаще встречаются».

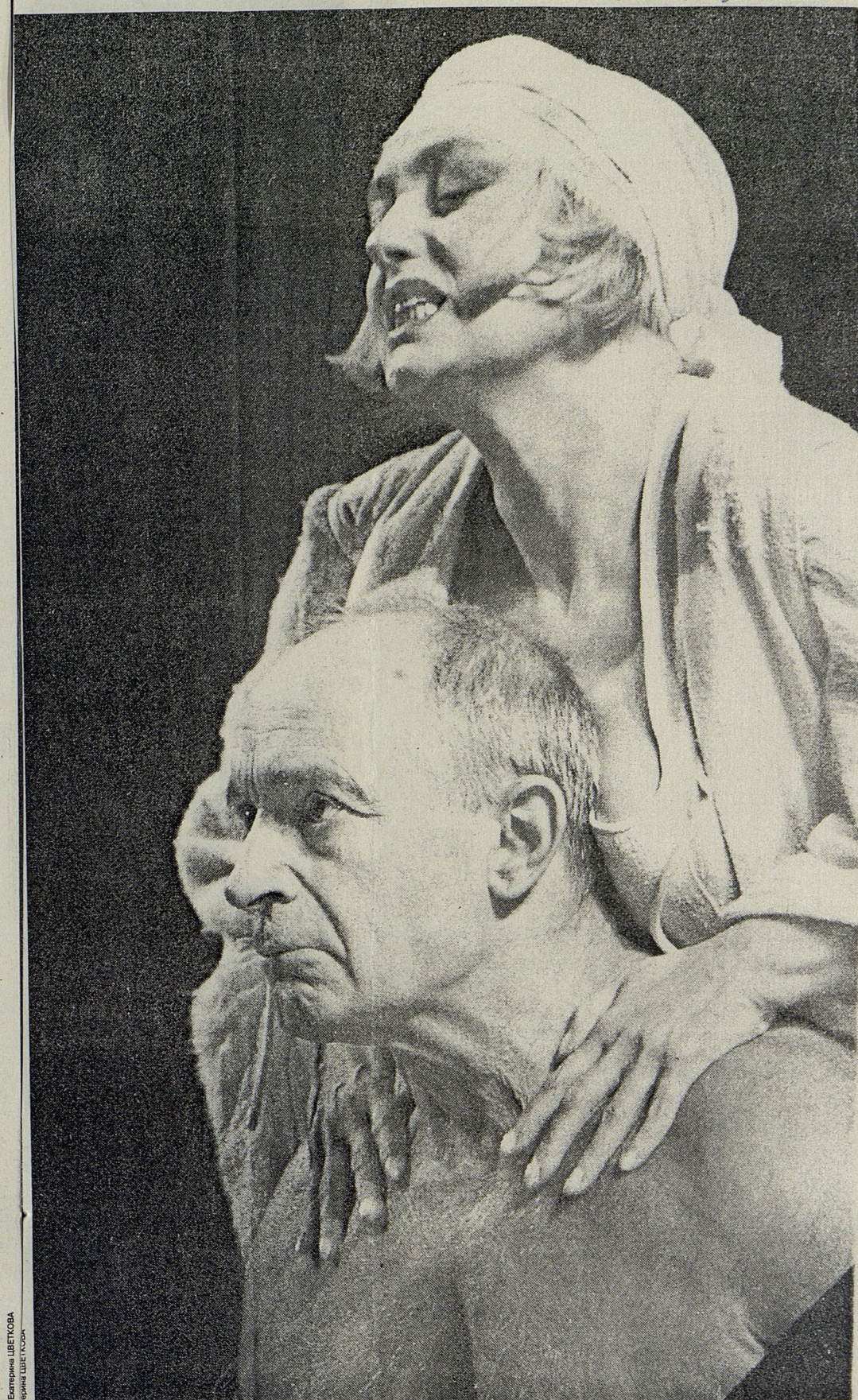
«Новичок» оказался дотошен и строптив. Во-первых, отказался надеть творения Павла Каплевича и вместо трусов поверх брюк и ажурных шинелей облачился в обычный костюм. Во-вторых, во время репетиций жаждал пояснений и оправданий всем стебам и приколам, на которые Мирзоев мастер. И оказался в итоге очень симпатичен своей трогательной

старомодностью и искренним желанием приобщиться к театру новой волны. Да и герой его Джеймс, в общем-то, чудаковатый, пожелавший «во всем дойти до самой сути», восстановить истинный ход вещей и испытать сильное, но чистое чувство: если ревность — то ревность, если боль — то боль, если облегчение — то облегчение. Или, если перевести разговор в банальную плоскость фабулы, узнать — была ли у его жены Стеллы (Елена Шанина) близость с модельером Биллом (Максим Суханов) и по чьей инициативе. Или же они только обсудили эту возможность, но в таких подробностях, что уж лучше бы... Но мирзоевская троица не дает ему счастья ясности — дурит, мутит, мистифицирует. Мир утратил свою очевидность. Ценности переоценились. Реальность столько раз перекраивалась, перелицовывалась и выворачивалась наизнанку, что истинный ее облик не известен уже никому и не суть важен (обилие пошивочной терминологии можно объяснить тем, что все герои Маковецкого, Суханова и Шаниной — модельеры, а персонаж Гафта — потенциальный продавец их творений).

Диапазон спектакля — от истерики Джеймса, запикивающего печеньку за пазуху своей молодой, изменчивой и неразгаданной жене (очень «психологичная» сцена), до изощренного садизма Гарри (Сергей Маковецкий), который, ревнуя своего друга ко всем посторонним мужчинам и женщинам, вышивает ему на мочке уха узор крестиком (это уже апофеоз абсурдистского стеба). И так, знаете ли, натурально вышивает, так смешно.

Но снова — тот самый легкий голод на сильное впечатление, на чистую эмоцию, на ясную мысль, на парадокс, на зрелищность, на поэзию. Осталась хорошая, я бы сказала, легкая игра актеров. Взгляд и нечто режиссера. Невыносимая легкость бытия, одним словом.

25.1.2000.

Елена Шанина, Валентин Гафт

Елена Шанина приобщает Валентина Гафта к мирзоевской системе координат